ЯСНОПОЛЯНСКОЕ БРАТСТВО

В толстовском музее-заповеднике "Ясная Поляна" прошли уже девятнадцатые международные писательские встречи. Нынешняя литературная жизнь и проходит по большей мере именно в таких сакральных для всех русских литературных местах – там и встречаются реальные живые писатели, спорят о литературе, говорят о новых тенденциях, выдвигают новые яркие имена. Вот и общаешься с коллегами то в Иркутске на распутинских традиционных встречах "Сияние России", то на бурляевском литературном форуме "Золотой Витязь" в Пятигорске, у памятника Михаилу Юрьевичу Лермонтову, то в "Ясной Поляне" у гостеприимного Владимира Толстого.

На этот раз в "Ясной Поляне" спор разгорелся после выступления Петра Краснова о том, как в наших театрах сегодня уродуют русскую классику, после яростной защиты Владимира Бондаренко лермонтовского наследия от посягательства наглой волны новых мнимых лермонтоведов, оправдывающих Николая Мартынова, придумывающих поэту новых отцов и внебрачных детей, после вдумчивого размышления Валентина Курбатова о поисках в современной литературе… Естественно, не обошли присутствующие вниманием и пламенные, страстные речи молодых литераторов: Сергея Шаргунова, Александра Снегирева, Романа Сенчина.

Думается, организатор этих традиционных встреч Владимир Ильич Толстой пошёл правильным путём, резко омоложая состав участников писательских встреч, вместо традиционного сбора заслуженных пенсионеров и ветеранов пера, которым пора уже ставить памятники; во многом нынешние девятнадцатые встречи определяло новое – молодое – поколение русской литературы. Оказались они и в шорт-листе "яснополянской" литературной премии: Сергей Шаргунов, Роман Сенчин, Арсен Титов…

На днях уже в Москве, по традиции на площадке Большого театра, были названы лауреаты Главных премий.

За высшие достижения в русской литературе своеобразную премию "живому классику" на этот раз вручили Борису ЕКИМОВУ – одному из лучших рассказчиков России, нашему давнему автору.

Премию за лучшую современную прозу получил Арсен ТИТОВ. (Хотя мы в редакции "болели" за Сергея Шаргунова, но ничего, получит в следующий раз.)

Премию по детской прозе получил совершенно взрослый прозаик Роман СЕНЧИН – и вполне заслуженно – за повествования для детей.

Так что вполне уверенно новое поколение русских писателей выходит на первый план, по-прежнему защищая русские национальные традиции.

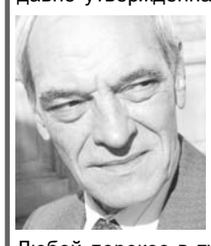
Честь им и хвала!

Редакция

А без волнения – нейдёт…

"...а без волнения наше писательское дело нейдёт".
Лев ТОЛСТОЙ

Гармония мысли и чувства – вот, казалось бы, всем очевидная и давным-давно утверждённая цель для всякого истинного художника, в каком бы виде искусства или жанре ни подвизался, ни выражал он себя, своё видение мира, своё пристрастное отношение к нему. Любой перекос в ту или иную сторону неминуемо и чаще всего отрицательно сказывается на художественной полноте выражения и может оправдываться порой, быть оправдан лишь иными, внешними, к художеству как таковому мало или вовсе не относящимися обстоятельствами.



Лев Николаевич Толстой и выразил это опосредованно, но тем не менее в глубине своей точно: "...а без волнения наше писательское дело нейдёт".

И дальше размышляет в дневниковых своих записях: "...ум только подделывает под каждый поступок мнимые причины, которые для одного человека называет – убеждения – вера и для народов (в истории) называет и д е и. Это одна из самых старых и вредных ошибок. Шахматная игра ума идёт независимо от жизни, а жизнь от неё...".

В этом смысле "игра ума" – весьма последовательный метод и, одновременно, несмываемая печать, если не клеймо, постмодернизма как пересмотра и, более того, сокрушения этических и эстетических принципов модернизма, нейтралитет тут маловероятен. Самоочевидна здесь, кстати, и его прямая свойственность так называемому "духу эпохи" – сухому эгоистическому рационализму, потреблятству с торгашеством, повальному антихристианскому неомистицизму, а также нынешнему образованчеству на ещё более низком уровне, чем прежде, и всё это сдобрено всеразлагающей иронией, имеющей своим дальним истоком ещё вольтерьянство, а наряду с ним и модные ныне разновидности атеизма, апостасии, диких суеверий до сатанизма включительно. В нём, постмодерне, это самое "волнение" найти весьма проблематично, если возможно вообще. Тут превеликий соблазн играть изворотами и фантазмами ума, начитанностью-нахватанностью, от интеллектуального избытка – кажущегося авторам в себе, как правило, мнимого. Отсюда умозрительные, грубо логические (или намеренно абсурдные, вызывающие) конструкции-композиции-концепции, неизбежно искусственные, рассчитанный эпатаж, всяческие аллюзии как паразитирование на высших, не авторами добытых смыслах, "игра словами", которую Лев Николаевич считал (в статье о Шекспире) самым большим литературным грехом, и прочие изыски ощутимо праздного ума. Да ещё шантаж, провокации – опять же в расчёте на публичный скандал, делающий им примитивный, но широкий пиар, поскольку за ними симпатии либеральных СМИ, а их, подвизающихся на том или ином прокорме у олигархата, у нас подавляющее большинство. Уж будьте уверены, "псаки" Венедиктова всегда крикливо поддержат очередного претендента на "НОС", "Большую книгу" и прочие, олигархические тоже, "букеры", всех тех, кто "опереттой смущают умы"...

А сама жизнь, между тем, не то чтобы алогична или даже антилогична – она живая, она равно приемлет всё, пренебрегая границами логики, детерминизма, антиномий и всяких других измышлений человеческого разума, и в этом смысле "контрабандна", подчиняясь только своей "правде" (в кавычках), причём порою зримо неправой, и потому непредсказуема совершенно, своенравна, едва ли не хаотична. Толстой – великий мастер этой "правды жизни", и всё его "толстовство" как учение (хотя это, скорее, нравственная позиция) исполнено этой "неправой правдой" – невероятной, неисполнимой в пресловутом реале, антиномиями раздираемой высшей Правдой. И в основе этого учения-позиции лежат вовсе не требования и императивы чистого разума только, здесь они спотыкаются подчас на первых же своих посылах, а живое чувство, объединяющее совесть, стыд, боль, вот это самое "волнение" человеческого духа и исходящий из него долг, не верифицируемые толком никакими логическими и философическими выкладками. Это своего рода бунт, восстание Толстого против неумолимой в жестокости своей логики существования. И, по сути, бунт самой жизни против закоснелых форм и данностей, реальностей этого существования, его социальной и нравственной мёртвенности, по большому счёту.

Теми же попытками прорыва злого морока существования измаян был, изнурён Андрей Платонов уже после победившей и много обещавшей революции. И осуществить этот прорыв, вырваться из земного "инферно", ада – хотя бы в этическом, литературном и философском плане – смог другой, считаю, великий писатель Иван Ефремов, весьма недооценённый у нас и многими забытый. Его русский порыв к идеалу, в страстно желаемое будущее – человечное в высшем смысле, построенное на началах света, добра, справедливости и совершенствования лучших человеческих качеств, – уникален во всей мировой литературе, и пробы социальной фантастики его немногих последователей-подражателей лишь подчёркивают недостижимую высоту этической и эстетической мысли Ефремова. А для сравнения-контраста полезно оглянуться на западную футуристику, да хоть на "Звёздные войны" – где на звездолётах враждующих сторон сшибаются, судя по психике персонажей, троглодиты с питекантропами, меряются, чья дубина вооружений толще...

Возвращаясь к сегодняшнему, нельзя не видеть, что постмодерн, как западная культуртрегерская идеология, после разрушения СССР перешёл у нас в стратегическое, ни много ни мало, наступление – и весьма успешное, судя по тому, как разбушевались везде опять грязевые вулканы псевдоискусства во всех его разновидностях, заливая всё непотребством своим, повторяя и преумножая зады декаданса столетней давности. Эта, обобщённо говоря, "гельманщина" вламывается в Третьяковку, лезет на лучшие когда-то театральные подмостки страны и в оркестровые ямы, плодя бесчисленные фэнтэзи в беллетристике и на всех и всяческих экранах, стремясь вытеснить с пресловутого мейнстрима, заместить собою не только современное настоящее искусство, но и классику, уродуя попутно способности публики, молодых поколений в особенности, воспринимать прекрасное и отличать его от эрзац-поделок, а то и вовсе от примитивного кича.

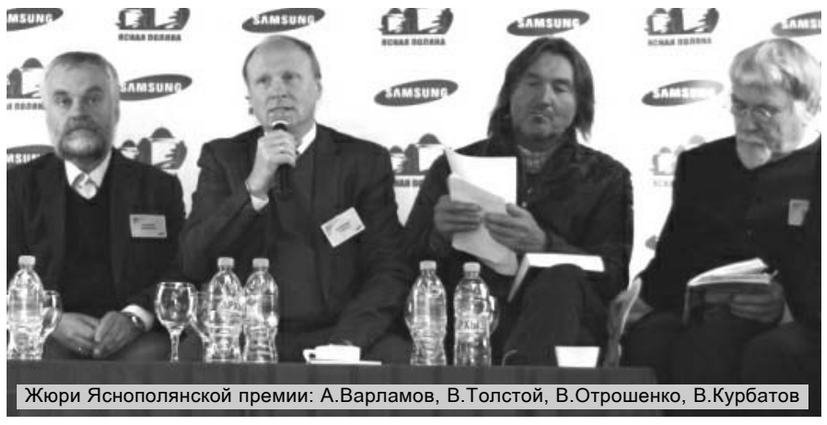
Жуткой какой-то и прилипчивой бледной немочью заражён почти поголовно российский театр. Что сделать можно, увидев, как на сцену выкатывается на автомобиле наряженный в эмвэдэшную форму "Ричард III"? Встать, сплюнув (про себя, конечно) и погромче хлопнув сиденьем кресла, и уйти... Творится – отнюдь не от слова-понятия "творчество" – некая уже пародия на ильфа-петровскую пародию мейерхольдовских новаций под оркестр из клистирных кружек в "Двенадцати стульях", где режиссёр "глубоко копает"...

Точно очень пишет об этом Елена Журбина, побывавшая на поэтическом спектакле "Двенадцать" в Театре на Таганке: "...во время спектакля возникло ощущение, что наш мир поражён каким-то новым вирусом – искажённостью сознания, когда уродство выдаётся за красоту, мерзость за правду, лживая небрежность – за искренность..." *("Поза поэзии". Литературная газета №20/2014 г.)*

И вот дождались, дотерпелись, доблагодушничали мы перед кириллами серебренниковыми и прочими подобными "глубококопающими": изуродовав "Бориса Годунова", очередной из них, Валерий Гергиев, добрался до оперы Сергея Прокофьева "Война и мир", выписав для этого из Британии некоего Грэма Вика, постановщика.

О том, что они смастрячили в Мариинском театре из прокофьевского (и толстовского!) творения, с плохо сдерживаемым гневом и омерзением пишет Людмила Лаврова *("Сумбур вместо оперы". Литературная газета № 29/2014 г.).* "Элен Курагина", расположившись на шести туалетных раковинах, покуривает наркоту и угощает ею "Наташу Ростову", в мини-юбке сидящую на подвешенной кровати, с ней рядом с намёком известным спит "Соня": видите ли, по мнению культуртрегера Вика, Наташа "аморальна"... Тем самым вопрос о какой-либо морали самой постановки и её авторов снимается, исключается вообще. Гости на балу в масках сварщика, слуги в противогазах, старый "граф Болконский" в инвалидной коляске, в сцене якобы дуэли "Безухов" швыряет "Курагина" на капот въехавшего "мерседеса", и т.д., и т.п. Массовка, "народ" – некий на фотоколлаже бомжеподобный сброд в нелепых разновременных одёжках. И, наконец, якобы сцена совета в Филях, куда "Кутузова" приносят в вертикальном гробу, и двое то ли охранников, то ли похоронщиков в чёрных современных костюмах вынимают его под мышки из гроба и ставят как куклу, манекен ли на ноги... Дополняют всю эту, простите за выражение, бодягу гнусно расписанные задники.

Мерзости этой "постановки", пишет Лаврова, неисчислимы во всех деталях и оскорбительны, это наиоткровеннейшее надругательство, глумление над русскими, Россией и её историей, над её духовным подвигом. Единодушны в гневе комментарии под статьей на сайте ЛГ, а их много, и самый резкий из них – "Предателя Гергиева – вон из России!..". Что ж, это и есть, ни больше ни меньше, акт безусловной русофобской агрессии, войны – идеологической, холодной. А на войне, известно, как на войне, и я бы предложил ассиметричный и в духе их постмодернистских практик ответ: интернировать этого г-на Вика и посадить, всего-то на годик, смотрителем общественного туалета где-нибудь близ театра, там ему самое место... Ну а Гергиеву – вполне симметричный и тоже гуманный: убрать из-под него худруковское кресло Мариинки и больше ему подобных кресел нигде и никогда не предлагать, пусть болтается на театральном рынке сервильных услуг. И очень хотелось бы, чтобы потомки Прокофьева и Толстого подали на эту троицу (с художником "постановки" вместе) в суд с присяжными заседателями за злостное искажение и надругательство над вышеуказанными произведениями. Вот только не могу представить, в каком таком закутке схоронилась совесть с честью вместе у актёров-исполнителей, певцов и певиц... что, такие уж рабы, что ли?



Жюри Яснополянской премии: А.Варламов, В.Толстой, В.Отрошенко, В.Курбатов

И вопрос: почему так называемая культурная общественность города Петра не объявила бойкот этой смрадной поделке – что, "культурки не хватает" для этого, как выразился однажды другой питерский выходец? Кстати, когда БДТ привёз в Лондон изуделанный по схожим рецептам постмодерна спектакль "Ромео и Джульетта", он был "провален" на первом же представлении, как утверждает Лаврова, а его авторам публично заявлено, что Шекспир – это национальное достояние Англии и коверкать его там никому не позволено... А Прокофьев и Толстой – что, не национальное, ничейное, хватай и уродуй?

Но возникает другой, куда более существенный вопрос: за кого нас вообще принимают, держат? За безответных, готовых ради воспеваемой, а вернее нагло навязываемой сверхтолерантности на любое унижение, о которых можно ноги вытирать, со смаком в лицо плевать?

Впрочем, за последние два с лишним десятка лет наша вроде бы культурная и что-то даже творящая публика давно уже попривыкла в большинс- тве своём, притерпелась и – "применительно к подлости" – едва ли не окончательно смирилась со всякими предательствами, с политических начиная и кончая всеми и всяческими уступками и сдачами в отечественной культуре. Как на запущенном поле, буйно взнялась и разрослась, вытесняя культурные злаки, всякая иная и весьма порой зловещая поросль, которую по аналогии с политикой вполне можно было бы назвать "пятой колонной", последовательно космополитичной и в лучшем (крайне редком) случае нейтральной. Французский или британский космополит никогда, считай, не будет очернять, хаять свою национальную культуру в угоду другой, другим; "наш" же полагает непременным своим долгом потоптаться на отечественных могилах, на всём наследии нашем, набросать как можно больше хулы своему и хвалы чужому – чтобы, разумеется, тем самым быть признанным на Западе. "Натурализоваться" в качестве некоего авторитета там, заслужить одобрительное похлопыванье по плечу и снискать имидж свободомыслящего – верх его сервильных желаний. И некоторым даже одного этого достаточно, не надо и грантов и прочей подкормки по линии НКО, иностранными агентами признанных, – своих богатеньких попечителей-радетелей внутри страны хватает...

И в самом деле, чем не "пятая колонна" – с поддержкой из "шестой", сиречь из российского олигархата? Вышеупомянутый Серебренников рвался снять "фильму" о Чайковском, где сердцевиной, вообще причиной самого этого намерения должна стать мерзкая, давно опровергнутая клевета о гомосексуальных, якобы, наклонностях нашего великого композитора, и Минкультуры уже было выделило ему под это 30 миллионов американских тугриков... Остальные сотню-другую миллионов сей "многостаночник" не без основания рассчитывает получить у отечественных и зарубежных радетелей клеветы. Киношник Лунгин снял антиисторическую, вполне клеветническую тоже версию об Иоанне Грозном, а до него Ростропович угрохал чуть не весь годовой бюджет самарской областной культуры на гранд-оперу о том же Грозном, где помимо всё тех же избитых и научно не доказанных наветов на него запустил ещё и откровенно грязные намёки, что все опричники и сам царь, дескать, гомики, – почему-то всё тянет наших креативщ иков к извращённым формам соития и к сортирам... И эти несчастные, без того урезанные под корешок областные годовые бюджетики культуры у них тоже под постоянным прицелом, пермская безобразная авантюра Гельмана у всех на виду и слуху, всего-то и надо этим "столичным штучкам", что найти и охмурить очередного губернатора-дилетанта, познаниями в этой непонятной поп-арт-супер-пупер-"культуре" никак не обременённого...

И как всегда в этих, мягко говоря, "экспериментах" у гергиевых злостная в своей примитивности антихудожественность феноменально, можно сказать, совпадает с русоненавистничеством. И как лечить сей "феномен", ставший не то что проблемой, угрозой, а прямой диверсией против нашей национальной культуры, её идеалов, задач и перспектив? Что, так и будут рыгать хулою, кощунствовать, наизнанку выворачивая наши смыслы, заголяться срамотой, измываться и сквернословить (без мата оно, знаете, ещё способней) на сценах наших и экранах – отнимая у прежних и новых поколений и втаптывая в грязь радость искусства, верность мысли и искренность чувств?..

Русская литература в высших своих проявлениях всегда жила и живёт жертвенностью – в том смысле, что низшее в жизни, бытовое осознанно отдаётся в жертву ради творческого высшего, бытийственного, примеры Льва Толстого или того же Андрея Платонова здесь более чем показательны. И весьма точен западный аналитик из совсем другой, военной сферы Эдвард Люттвак, утверждая, что психологически "постмодернизм не подразумевает самопожертвования", и называя нынешнее морально-психологическое состояние Запада "постгероической эпохой". А в борьбе за Человека с прописной, с большой буквы героизм нужен всегда – как своего рода жертвенность Прометея.

Этот декаданс "второй свежести" (которую наша люмпен-интеллигенция уже затаскала-зацитировала до третьей), напрочь теперь выродившийся, стал чем-то вроде трупного яда, отравляющего всё и вся. Совершенно ныне очевидно и бессилие нашей общественности в сопротивлении этому "креативному распаду", и потому здесь нужно принимать необходимые государственные решения. Культура – дело державное, и промахи в нём могут стать куда более печальными и болезненными, чем даже в политике или экономике. Минкультуры у нас на что – премии выдавать за фаллос на питерском мосту, гранты выписывать для растлителей и просто безобразников?..

Кто нам ответит на эти давно наболевшие вопросы и, более того, сможет "власть употребить"?

Задача же всякого настоящего художника – вырастить и сберечь в себе то само толстовское "волнение" и поделиться им, донести его до зрителя, читателя.

Пётр КРАСНОВ

Истинное и поддельное

В декабре 1864 года Толстой перенёс тяжелую операцию – ему ломали неправильно сросшуюся после вывиха руку. Писать много после операции он не мог, поэтому диктовал свояченице. В одном из писем Толстой сообщал жене: "Нынче поутру около часу диктовал Тане, но не хорошо – спокойно и без волнения, а без волнения наше писательское дело не идёт".

И художественные и публицистические произведения Толстого почти всегда написаны ясно до мельчайших деталей, мысли автора и персонажей, как бы сложны они ни были, понятны, сюжеты завершены. Сам Толстой утверждал, что писать нужно только о завершённых явлениях и, пожалуй, главным достоинством произведения искусства считал понятность.

Казалось бы, понятность, ясность, продуманность, годы труда, которые уходили у Толстого даже на небольшой рассказ, статью, должны бы вытравлять из произведений всякий признак этого, так ценимого Толстым, волнения. Но, поразительно, волнение присутствует у него в каждой фразе. Описывает ли автор так называемые духовные метания, искания своих героев, рисует ли пейзаж, высказывает ли несомненные для себя истины.

Это волнение многого стоит, оно-то, передаваясь читателю, и заставляет сопереживать, сочувствовать, попросту читать дальше. Оно затягивает, подчиняет. "Заражает", как определял это состояние сам Толстой.

Такого, конечно, нельзя добиться искусственно, это не вырабатывается годами литературных упражнений. Волнение появляется тогда, когда говоришь о важном, главном, болезненном. И это важное, главное, болезненное лежит в основе каждого произведения Толстого.

Им написано много. По сути, имя "Лев Толстой" давно стало чуть ли не синонимом необычайно плодовитого писателя. Порой не без иронии произносят: "Ну ты Лев Толстой!".

Но мы видим, как непросто давалось Толстому писание. Сколько раз он переделывал один и тот же кусок, сколько раз бросал, например, "Анну Каренину", "Воскресение", да практически каждое своё произведение. Бросал на годы, а потом возвращался, пробивался дальше, снова бросал. Хотя вроде бы развитие сюжета, финал, а тем более идея были ясны автору изначально.

Но ясность у Толстого, особенно в художественных произведениях, проходит испытания. И, изучая ранние редакции, черновики, дневники, мы можем увидеть, что первоначальная ясность далеко не всегда эти испытания выдерживала. Сам Толстой хоть и часто досадовал на трудность работы, нашёл этому, может, и простое, но в простоте своей бесспорное объяснение:

"Художник для того, чтобы действовать на других, должен быть ищущим, чтоб его произведение было исканием. Если он всё нашёл и всё знает и учит, или нарочно потешает, он не действует. Только если он ищет, зритель, слушатель, читатель сливается с ним в поисках".

Как бы Толстой внешне – периодами – ни принижал значение и законы художественной литературы, сколько бы раз ни бросал её, но знал, что только она способна наиболее полно выразить ту или иную идею. При этом настоящую художественность Толстой ставил выше заложенной в произведении идеи. Потому, видимо, он так любил Чехова, считая его "неопределившуюся" прозу в художественном отношении выше прозы Тургенева, Достоевского, своей. Чехов же считал, что Толстой таким финалом испортил своё "Воскресение", на что Толстой отвечал, что именно ради такого финала, по собственному определению, "нагромоздил" предыдущие сотни страниц…

Вообще очный и заочный, творческий, мировоззренческий спор Толстого и Чехова, косвенные признания некоторой правоты оппонента, выразившиеся в ряде произведений, очень интересен и полезен для изучения. Это спор тех, кто наиболее виртуозно соединял в прозе мысль и художественность.

У Толстого есть такое высказывание: "С первых строк видишь намерение, с которым писано, и все подробности становятся не нужны, и делается скучно. Главное же – знаешь, что у автора никакого другого чувства, кроме желания написать повесть или роман, нет и не было".

К сожалению, большинство произведений литературы и прошлого и настоящего попадают под это определение. Но, наверное, откровенность "намерения" лучше, чем только "желание написать повесть или роман". Сколько мы видим качественной литературы, остающейся по сути пустой и становящейся напрасной. Написанной из желания писать, созданной без мук и волнения. И становится ясно, что у автора не было того изначального удара, который заставил писать повесть или роман, волноваться, бросать и снова браться за писание.

"Настоящее произведение искусства может проявляться в душе художника только изредка, – объяснял Толстой, – как плод предшествующей жизни, точно так же, как зачатие ребёнка матерью. Поддельное же искусство производится мастерами, ремесленниками безостановочно, только бы были потребители".

Вроде бесспорно, но проблема в том, что художник и ремесленник часто уживается в одном человеке. А нередко случается, что в литературу приходит художник, который через несколько лет писательства превращается в ремесленника, производящего подделки.

Что случилось? Почему? Наверное, закончились "плоды предшествующей жизни", жить же дальше, не чувствуя себя писателем, то есть неким избранным, человек уже не может. Вспомним, с чего начинается книга Толстого "Так что же нам делать?". Автор видит, как городовой задерживает нищего. Он вступает в разговор с городовым, едет за ним в участок, там задаёт полицейским множество вопросов, расспрашивает извозчика… То есть, он, что называется, активно участвует именно в реальной жизни. Не созерцает, а именно участвует.

Многие ли из нас, современных писателей, участвуют в жизни? Абсолютное большинство прошмыгнёт мимо какой-нибудь сцены на улице, скорее укроется в кабинете, чтобы выдумывать сюжет новой повести или романа.

Рождённого плодами воображения, а не плодами предшествующей жизни сегодня несоизмеримо больше. Отсюда (а не из-за провидческого дара) обилие различных антиутопий, реализма "с допущениями" (это когда достоверный сюжет намеренно разбивается фантастикой, сверхъестественным), отсюда и масса произведений о прошлом – то есть о тех временах, когда автор не жил. Может быть, так было всегда, но это нас не оправдывает.

Представим, что Гончаров, Тургенев, Толстой писали бы в жанре исторических романов, реализм "с допущениями", Достоевский окунулся бы в философскую фантастику, плеяда шестидесятников XIX века увлеклась бы сочинением антиутопий. И что бы получилось вместо золотого века русской прозы?

Но ещё большая проблема, по-моему, – бедность мыслей в нашей прозе. Сюжеты зачастую увлекательны, описания точны и оригинальны, погружения в психологию персонажей глубоки. Но мыслей, какие бы взбудоражили читателя, крайне мало. И нередко очевидно, что авторы сознательно обрывают размышления, разговоры героев, готовых выразить нечто если не новое, то важное, а потому небезопасное; прячут себя за персонажами, прикрываются стилистическими завитушками.

Не так давно я услышал по радио выступление Александра Гениса. Он представлял свой новый путеводитель по литературе, и поделился своим открытием, которое меня поначалу возмутило, а потом заставило задуматься. Вот довольно большая, но важная, на мой взгляд, цитата:

"…Это глава, связанная с теми книгами, которые не нуждаются в языке. Это я понял, когда перечитал "Войну и мир" сравнительно недавно… <...> И на все четыре тома я нашёл одну фразу яркую и красивую. Вернее, две фразы. Одна такая: солдаты бросились к колодцу, и выпили его до дна. Выпить колодец до дна – это такая яркая фраза, да? А вторая – гости вошли в оперу и смешались. <...> Это на четыре тома, потому что Толстого не интересовали красоты стиля. Писать афоризмами казалось для него глупым. Ему важно было донести то, что он хотел. Язык был просто орудием перевозки, это транспортное средство, которое перевозит мысли, идеи, образы. <...>

Когда мне пришло это в голову, я понял, что язык не должен быть так важен, как нам кажется, потому что в XX веке мы стали все фетишистами языка, особенно Бродский. Но великие русские классики, начиная с самых великих, с Толстого и Достоевского, к языку относились без особого уважения. Толстой мог сажать четыре "что" в одно предложение. И не это важно для него было… Ему было важно рассказать то, что он хотел".

Тут, конечно, со многими оценками можно спорить. По крайней мере, с тем, что Толстого не интересовали красоты стиля. Интересовали. Но он их использовал не как пустое украшательство текста, что мы так часто наблюдаем в литературе… Вообще Толстой и Достоевский, пожалуй, самые великие стилисты русской литературы. Их художественному языку невозможно подражать. При желании можно более или менее удачно копировать всех русских классиков, копирование же Достоевского или Толстого обязательно превратится в глупую пародию…

Сверхзадача (извините за это у многих вызывающее изжогу слово) настоящего художника и есть в том, чтобы возможно сильнее выразить мысль, идею, образ. Для этого он использует искусство, по определению Толстого, "одно из необходимых средств общения, без которого не могло бы жить человечество". Искусство – средство, а не самоцель.

Современные литераторы зачастую ограничиваются лжеискусством при создании своих произведений. Мыслей, идей почти нет. По сути – пустота… Почему так? Не думаю, что их нет в природе. Быть может, авторы опасаются выражать спорные, неоднозначные мысли и идеи? Точнее, в каких-то направлениях литературы – скажем, в том направлении, которое у нас называют постмодернизмом, – можно быть смелым. Всё равно эту смелость воспримут, как эпатаж, игру, потешание. А вот что касается так называемой серьёзной литературы…

Ну вот представим, что некий серьёзный писатель-художник решит вывести верховного главнокомандующего, например, в Великой Отечественной войне подобного Кутузову в "Войне и мире". Такого писателя наверняка начнут обвинять в фальсификации. Или начни так же глубоко и по-честному анализировать природу мужчины и женщины, их взаимоотношения, как это сделано в "Крейцеровой сонате". Или реши описать современное общественное устройство в духе "Воскресения"… Всё это опасно. Тем более что слово в последнее время вновь стало обретать цену и вес, но при этом за слово нужно нести ответственность.

Каждый писатель, по-моему, берясь за работу, должен быть уверен, что создаст небывалое, величайшее, способное изменить мир. Конечно, он потерпит неудачу, его произведение ничего не изменит. Но изначальная уверенность быть должна. И поражение должно вызывать желание, потребность совершить новую попытку, потом ещё одну… Мы же словно бы берём пример с чеховского Тригорина, который вряд ли кокетничает, когда предполагает: "А публика читает: "Да, мило, талантливо… Мило, но далеко до Толстого", или: "Прекрасная вещь, но "Отцы и дети" Тургенева лучше". И так до гробовой доски всё будет только мило и талантливо, мило и талантливо – больше ничего, а как умру, знакомые, проходя мимо могилы, будут говорить: "Здесь лежит Тригорин. Хороший был писатель, но он писал хуже Тургенева".

Сегодня подобных Тригориных множество. Правда, они скрывают от других и себя подобные мысли, но выпускают "милые и талантливые" повести и романы с почти математическим постоянством. Нужен прорыв. И этот прорыв возможен лишь при помощи пусть не абсолютно новых (ничто на Земле не ново), но смелых, злободневных, неудобных мыслей. Нужно с волнением исследователя изучать наше нынешнее, сложное, очень сложное время, как изучали своё время предшествующие поколения писателей. А волнение, искренность, важность задачи привнесёт в произведение и настоящую художественность.

Роман СЕНЧИН

(Полностью статья – на нашем сайте, там же размышления Александра Снегирёва)